

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПАРТИТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Исследование системы языка на основе полевой модели является достаточно оформившимся направлением современной лингвистики. Внедрение полевого анализа в практику преподавания русского языка как иностранного представляется весьма эффективным, особенно на продвинутом этапе обучения.

Ядерные элементы как наиболее частотные и информативные единицы языка обеспечивают разграничение лексико-семантических полей в системе данного языка и служат опорой установления эквивалентности разных систем. Так, центром ядра лексико-семантического поля «Часть целого» в русском языке выступает семема *часть*, в белорусском языке – *частка*, украинском – *частина*, чешском – *část*, польском – *część*, болгарском – *част*.

Распределение лексики по зонам периферии, основанное на частотности употребления и количестве периферизирующих сем, может дать объективную картину об основном фонде лексики неродного языка. Лексические единицы, имеющие большую частотность и меньшее количество периферизирующих сем, находятся ближе к ядру. Они входят в основной фонд лексики при освоении русского языка как иностранного. Зону ближней периферии составляет, как правило, круг обязательно вводимых в обучение слов (например, *кусок, осколок, обломок, огарок, окурок, ломоть, лоскут* и др. – части твёрдого вещества; *брызги, глоток, капля* – части жидкого вещества; *выписка, отрывок, цитата* – части произведения искусства и т.д.).

Разумеется, круг вводимых в обучение слов не может быть одинаков для филологов и нефилологов. Перед студентами-филологами на первый план ставится задача лингвостилистического анализа художественного текста, поэтому их лексический запас должен быть шире и разнообразнее, включая и периферийные явления языка (просторечные элементы, устаревшую лексику, народнопоэтические выражения и проч.). Для студентов-нефилологов выбор и правильное употребление слова будет зависеть от того, насколько точно понимается его значение.

Отношения «часть – целое» охватывают объекты всех уровней сложности, организуя их в разнообразные многоступенчатые иерархии частей – целых, элементов – систем (структур). Партитивная лексика (от лат. *pars, partis* f – часть), безусловно, объединена комплексом языковых характеристик, свидетельствующих о её системной организации. Данная система включает круг субстантивных номинаций (232 ед.), идентификация которых осуществляется через идентификатор *часть целого* в значении «отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, характеризующийся относительной самостоятельностью, незаконченностью и отсутствием собственной номинации до отделения». Совокупность сем,

определяющих данное значение, продуцируется в инвариантном компоненте "партитивность", являющемся архисемой лексико-семантического поля партитивной лексики. Как показал материал исследования, ЛСП партитивной лексики обладает структурой, которую можно эксплицировать в виде семантической модели, укладываемой в рамки полевой концепции языка [1,2]. Ранжирование лексических единиц отражает представление о данном лексико-семантическом поле как иерархической структуре, для которой характерны пространственная ориентация, соподчинённость уровней иерархии и повышение степени абстракции значений при восхождении к вершине поля. Психолингвистические эксперименты, которые проводились на занятиях по русскому языку для иностранных студентов-медиков, подтвердили правильность такого построения [3, с. 55–56].

Системный характер единиц, относящихся к лексико-семантическому полю партитивной лексики, проявляется также в однотипности их синтагматических характеристик, что позволяет установить полевую модель сочетаемости. Для конститuentов данного поля сильными морфологическими позициями, создающими возможности для реализации категориальной семы, являются три инвариантные конструкции: "Партитив + Сущ.(род.)" (*доза лекарства*), "Прил. + Партитив" (*брызнувшие капли*), "Глаг. + Партитив" (*разрывать на полосы*).

Главной, системообразующей, партитивной позицией является позиция "Партитив + Сущ.(род.)" (*срезы тромбоцитов, кусочки протоплазмы, проба крови* и т.д.). Форма родительного падежа существительного, стоящего при партитиве в качестве несогласованного определения, выражает здесь значение целого по отношению к части. В данной позиции выделяются подгруппы лексической сочетаемости, характеризующиеся семантической общностью лексических единиц на основании материального/нематериального аспекта значения: сочетание по общему семантическому признаку "монолитный" (*осколок стекла*), "волокнистый" (*лок волос*), "сыпучий" (*хлопья снега*), "пастообразный" (*комки глины*), "жидкий" (*брызги воды*), "газообразный" (*клубы газа*), "остенсивный" (*отрывок доклада*), "абстрактный" (*часть проблемы*), "капитал" (*доля вклада*), "живая материя" (*остатки клеток*) и т.д. Семантическая согласованность слов, проявляющаяся в том, что слова, образующие словосочетания, имеют в своих значениях общие компоненты, – основной закон лексической синтагматики. Сочетаемость разрешается, если в сочетающихся единицах есть совпадающие семантические признаки, независимо от того, являются ли они компонентами ядерных или периферийных сем или автономными признаками [4]. Обозначенные выше подгруппы лексической сочетаемости отражают парцеллярное распределение партитивной лексики. Сочетаемость оказывается недопустимой, если в семантике одного из слов отсутствует семантический признак, присутствующий в другом слове.

Лексическая сочетаемость может иметь количественную характеристику. В одних случаях она является очень широкой, почти неисчислимой, в других – ограниченной, когда контекстные партнёры того или иного слова заданы

списком. Так, универсальной сочетаемостью характеризуется центр ядра поля *часть (часть камня, волос, зерна, глины, воды, кислорода, музыки, жизни, денег...–* любых вещественных и неведественных объектов действительности). Довольно широкую сочетаемость имеют элементы 1, 2, 3 позиционных линий ближней периферии *кусок, кусочек, капля, ком (кусок дерева, металла, бумаги, ткани, кожи, стекла, льда, коры, хлеба...–* любого монолитного вещества; *капля воды, вина, дождя, крови, йода...–* любого жидкого вещества). Остальные конститутенты различных зон периферии в зависимости от своего значения обладают менее широким контекстом. Например, сочетание по одному семному конкретизатору дифференциального семантического признака “вещественная/невещественная субстанция” или “прототип”, а также дифференциальному семантическому признаку “способ воздействия” характеризуется небольшим списком контекстных партнёров. Рассмотрим сочетаемость по общему семному конкретизатору “принадлежность к твёрдой пище”: *ломтик лимона, хлеба, сыра* и т.д. Употребление других контекстных партнёров, не обладающих данным параметром, сделало бы эти сочетания невозможными: “ломтик дерева” – есть признак твердости, но нет принадлежности к продуктам питания; “ломтик молока” – есть признак принадлежности к пище, но пища представляет собой жидкое вещество; “ломтик халвы” – есть признак принадлежности к твёрдой пище, но продукт не может быть подвергнут механическому воздействию отрезанием.

Таким образом, антонимичные или полярные семные конкретизаторы блокируют сочетаемость слов, хотя и содержащих общий семантический признак, – данный вид регламентации сочетаемости определяется как *б л о к и р о в а н и е* сочетаемости [4]. Общая закономерность такова, что понижение уровня абстракции значения элементов к периферии лексико-семантического поля соответствует повышению степени специализированности партитивного контекста, выявляя обратно пропорциональную зависимость.

Как видим, полевой подход в описании лексики является удобным инструментом обучения языку.

Литература

1. Глобина Л.В. Принципы моделирования лексико-семантического поля партитивной лексики / Л.В. Глобина // Вісник Запорізького національного університету: Збірник наукових статей. Філологічні науки. – Запоріжжя: ЗНУ, 2005. – С. 21–27.

2. Глобина Л.В. Проблемы полевой организации лексики в русском и немецком языкознании / Л.В. Глобина // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2005. – № 2 (22). – С. 242–248.

3. Глобина Людмила. Полевой подход при изучении русского языка как иностранного / Л. Глобина, Л. Богиня // Імідж сучасного педагога. – Полтава: “АСМІ”, 2012. – №6 (125). – С. 54–57.

4. Голодяевская А.М. Парадигматические классы слов и ограничения на сочетаемость лексем в русском языке / А.М. Голодяевская, И.А. Стернин // Структурно-семантические исследования русского языка: Сб. статей. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – С. 13–24.